

Ирина Пивоварова

Весенний дождь

Не хотелось мне вчера учить уроки. На улице было такое солнце! Такое тёплое жёлтенькое солнышко! Такие ветки качались за окном!.. Мне хотелось вытянуть руку и дотронуться до каждого клейкого зелёного листика. Ох, как будут пахнуть руки! И пальцы слипнутся вместе — не отдерёшь друг от друга... Нет, не хотелось мне учить уроки.

Я вышла на улицу. Небо надо мной было быстрое. Куда-то спешили по нему облака, и ужасно громко чирикали на деревьях воробьи, и на лавочке грелась большая пушистая кошка, и было так хорошо, что весна!

Я гуляла во дворе до вечера, а вечером мама с папой ушли в театр, и я, так и не сделав уроков, легла спать.

Утро было тёмное, такое тёмное, что вставать мне совсем не хотелось. Вот так всегда. Если солнышко, я сразу вскакиваю. Я одеваюсь быстро-быстро. И кофе бывает вкусный, и мама не ворчит, и папа шутит. А когда утро такое, как сегодня, я одеваюсь еле-еле, мама меня подгоняет и злится. А когда я завтракаю, папа делает мне замечания, что я криво сижу за столом.

По дороге в школу я вспомнила, что не сделала ни одного урока, и от этого мне стало ещё хуже. Не глядя на Люську, я села за парту и вынула учебники.

Вошла Вера Евстигнеевна. Урок начался. Сейчас меня вызовут.

— Синицына, к доске!

Я вздрогнула. Чего мне идти к доске?

— Я не выучила, — сказала я.

Вера Евстигнеевна удивилась и поставила мне двойку.

Ну почему мне так плохо живётся на свете?! Лучше я возьму и умру. Тогда Вера Евстигнеевна пожалеет, что поставила мне двойку. А мама с папой будут плакать и всем говорить:

«Ах, зачем мы сами ушли в театр, а её оставили совсем одну!»

Вдруг меня в спину толкнули. Я обернулась. Мне в руки сунули записку. Я развернула узкую длинную бумажную ленточку и прочла:

«Люся!

Не отчаивайся!!!

Двойка — это пустяки!!!

Двойку ты исправишь!

Я тебе помогу! Давай с тобой дружить! Только это тайна! Никому ни слова!!!

Яло-кво-кыл».

В меня сразу как будто что-то тёплое налили. Я так обрадовалась, что даже засмеялась. Люська посмотрела на меня, потом на записку и гордо отвернулась.

Неужели это мне кто-то написал? А может, эта записка не мне? Может, она Люське? Но на обратной стороне стояло: ЛЮСЕ СИНИЦЫНОЙ.

Какая замечательная записка! Я в жизни таких замечательных записок не получала! Ну конечно, двойка — это пустяки! О чём разговор?! Двойку я просто исправлю!

Я ещё раз двадцать перечла:

«Давай с тобой дружить...»

Ну конечно! Конечно, давай дружить! Давай с тобой дружить!! Пожалуйста! Очень рада! Я ужасно люблю, когда со мной хотят дружить!..

Но кто же это пишет? Какой-то ЯЛО-КВО-КЫЛ. Непонятное слово. Интересно, что оно обозначает? И почему этот ЯЛО-КВО-КЫЛ хочет со мной дружить?.. Может быть, я всё-таки красивая?

Я посмотрелась в парту. Ничего красивого не было.

Наверное, он захотел со мной дружить, потому что я хорошая. А что, я плохая, что ли? Конечно, хорошая! Ведь с плохим человеком никто дружить не захочет!

На радостях я толкнула локтем Люську.

— Люсь, а со мной один человек хочет дружить!

— Кто? — сразу спросила Люська.

— Я не знаю кто. Тут как-то непонятно написано.

— Покажи, я разберу.

— Честное слово, никому не скажешь?

— Честное слово!

Люська прочла записку и скривила губы:

— Какой-то дурак написал! Не мог своё настоящее имя сказать.

— А может, он стесняется?

Я оглядела весь класс. Кто же мог написать записку? Ну кто?.. Хорошо бы, Коля Лыков! Он у нас в классе самый умный. Все хотят с ним дружить. Но ведь у меня столько троек! Нет, вряд ли он.

А может, это Юрка Селивёрстов написал?.. Да нет, мы с ним и так дружим. Стал бы он ни с того ни с сего мне записку посылать!

На перемене я вышла в коридор. Я встала у окна и стала ждать. Хорошо бы, этот ЯЛО-КВО-КЫЛ прямо сейчас же со мной подружился!

Из класса вышел Павлик Иванов и сразу направился ко мне.

Так, значит, это Павлик написал? Только этого ещё не хватало!

Павлик подбежал ко мне и сказал:

— Синицына, дай десять копеек.

Я дала ему десять копеек, чтобы он поскорее отвязался. Павлик тут же побежал в буфет, а я осталась у окна. Но больше никто не подходил.

Вдруг мимо меня стал прогуливаться Бураков. Мне показалось, что он как-то странно на меня взглядывает. Он остановился рядом и стал смотреть в окно. Так, значит, записку написал Бураков?! Тогда уж лучше я сразу уйду. Терпеть не могу этого Буракова!

— Погода ужасная, — сказал Бураков.

Уйти я не успела.

— Да, погода плохая, — сказала я.

— Погодка — хуже не бывает, — сказал Бураков.

— Жуткая погода, — сказала я.

Тут Бураков вынул из кармана яблоко и с хрустом откусил половину.

— Бураков, дай откусить, — не выдержала я.

— А оно горькое, — сказал Бураков и пошёл по коридору.

Нет, записку не он написал. И слава богу! Второго такого жадины на всём свете не найдёшь!

Я презрительно посмотрела ему вслед и пошла в класс. Я вошла и обомлела. На доске огромными буквами было написано:

ТАЙНА!!! ЯЛО-КВО-КЫЛ + СИНИЦЫНА = ЛЮБОВЬ!!! НИКОМУ НИ СЛОВА!

В углу шушукалась с девчонками Люська. Когда я вошла, они все уставились на меня и стали хихикать.

Я схватила тряпку и бросилась вытирать доску.

Тут ко мне подскочил Павлик Иванов и зашептал в самое ухо:

— Это я тебе написал записку.

— Врёшь, не ты!

Тогда Павлик захохотал, как дурак, и заорал на весь класс:

— Ой, умора! Да чего с тобой дружить?! Вся в веснушках, как каракатица! Синица дурацкая!

И тут не успела я оглянуться, как к нему подскочил Юрка Селивёрстов и ударил этого болвана мокрой тряпкой прямо по башке. Павлик взвыл:

— Ах, так! Всем скажу! Всем, всем, всем про неё скажу, как она записки получает! И про тебя всем скажу! Это ты ей записку послал! — И он выбежал из класса с дурацким криком: — Яло-кво-кыл! Яло-кво-кыл!

Уроки кончились. Никто ко мне так и не подошёл. Все быстро собрали учебники, и класс опустел. Одни мы с Колей Лыковым остались. Коля всё никак не мог завязать шнурок на ботинке.

Скрипнула дверь. Юрка Селивёрстов всунул голову в класс, посмотрел на меня, потом на Колю и, ничего не сказав, ушёл.

А вдруг? Вдруг это всё-таки Коля написал? Неужели Коля?! Какое счастье, если Коля! У меня сразу пересохло в горле.

— Коль, скажи, пожалуйста, — еле выдавила из себя я, — это не ты, случайно...

Я не договорила, потому что вдруг увидела, как Колины уши и шея заливаются краской.

— Эх, ты! — сказал Коля, не глядя на меня. — Я думал, ты... А ты...

— Коля! — закричала я. — Так ведь я...

— Болтушка ты, вот кто, — сказал Коля. — У тебя язык как помело. И больше я с тобой дружить не хочу. Ещё чего не хватало!

Коля наконец справился со шнурком, встал и вышел из класса. А я села на своё место.

Никуда я не пойду. За окном идёт такой ужасный дождь. И судьба моя такая плохая, такая плохая, что хуже не бывает! Так и буду сидеть здесь до ночи. И ночью буду сидеть. Одна в тёмном классе, одна во всей тёмной школе. Так мне и надо.

Вошла тётя Нюра с ведром.

— Иди, милая, домой, — сказала тётя Нюра. — Дома мамка заждалась.

— Никто меня дома не заждался, тётя Нюра, — сказала я и поплелась из класса.

Плохая моя судьба! Люська мне больше не подруга. Вера Евстигнеевна поставила мне двойку. Коля Лыков... Про Колю Лыкова мне и вспоминать не хотелось.

Я медленно надела в раздевалке пальто и, еле волоча ноги, вышла на улицу...

На улице шёл замечательный, лучший в мире весенний дождь!!!

По улице, задрав воротники, бежали весёлые мокрые прохожие!!!

А на крыльце, прямо под дождём, стоял Коля Лыков.

— Пошли, — сказал он.

И мы пошли.